

Н.В. ГОГОЛЬ: НЕЮБИЛЕЙНЫЙ КОНТЕКСТ

В. Д. Денисов¹

Российский государственный гидрометеорологический университет

ГРАДУ И МИРУ: О СБОРНИКЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МИРГОРОД» (1835)²

В статье рассматриваются концепция гоголевского цикла «Миргород» (1835), его творческая история, тематика и проблематика, жанровые особенности.

Ключевые слова: творчество Гоголя, диалог русской и украинской культур, «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Арабески», «Миргород», творческая история, романтизм, Козачество³.

V.D. Denisov

Russian state hydrometeorological University

URBI ET ORBI: THE “MIRGOROD” COLLECTION OF NIKOLAI GOGOL (1835)

The article deals with the concept of Gogol’s cycle “Mirgorod”, its creative history, themes and issues, genre features.

Keywords: Gogol’s creativity, the dialogue between the Russian and the Ukrainian cultures, “The evenings on the farm near Dykanka”, “Arabesques”, “Mirgorod”, creative history, romanticism, Kozaques.

---

¹ Владимир Дмитриевич Денисов, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного гидрометеорологического университета (РГГМУ, Санкт-Петербург).

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФНФ научного проекта № 14-04-00510.

³ В слове *козак* и производных от него (для Гоголя они обозначали воинское единство, какое сложилось в особых исторических условиях и стало основой народа) мы сохранили написание его черновых редакций – в отличие от подцензурных обязательных наименований того времени: *казак* и подобных.

Начало работы над «Миргородом» – циклом из четырех украинских повестей – принято относить к поездке Гоголя на родину летом 1832 г. Сам он, отправляя новый сборник матери 12 апреля 1835 г., признал повести «довольно давними» [Гоголь, 1937-1952, т. X, с. 363]¹ и, вероятно, подразумевал под этим какие-то свои детские и/или гимназических впечатления, которые легли в основу его ранних прозаических набросков, известных матери. Это позволяет предположить, что данный цикл имел более сложный генезис...

Итак, в феврале 1832 г. Гоголь был приглашен на торжественный обед в магазине-библиотеке А.Ф. Смирдина и там впервые представлен как автор прославившихся «Вечеров на хуторе близ Диканьки», а затем вместе с известными петербургскими литераторами пообещал подарить хозяину свое новое творение. Все ожидали продолжения «Вечеров»... не против был и сам автор. Но шумная слава, восторженный прием в Москве и на родине, видимо, несколько изменили его самооценку. Звание «нового историка» Малороссии, пример исторических занятий Пушкина заставляют Гоголя иначе смотреть на обязанности писателя-историка, усердно читать историко-философские издания, российскую и зарубежную классику (этот круг во многом определяли Пушкин и Жуковский), учиться, искать и отбирать нужные сведения повсюду, видеть современность в зеркале прошлого. Там он находит столь близкие романтикам всемирные историко-географические коллизии, переломные моменты истории, необычных героев и, пытаясь это художественно освоить, опробует возможности различных литературных направлений. Все больше его привлекает «синтез» историософских сочинений, жанров народного творчества, больших эпических форм литературы и создание на этой основе «исторической череды» образов народных героев. С точки зрения романтиков, таким и должно быть творчество настоящего художника-ученого, сына своего

---

¹ Далее везде цитируется по этому изданию. В круглых скобках указываются номер тома – *римской* цифрой, страницы – *арабской*.

народа.

На родину Гоголь впервые вернулся из Санкт-Петербурга летом 1832 г. Оказавшись у себя на Полтавщине, он, уже знаменитый своими «украинскими сказками» преподаватель истории, географии, статистики в Патриотическом институте, поневоле сравнивал увиденное со столицей, да и смотрел намного иначе, нежели в юности. «Чего бы, казалось, недоставало этому краю? – размышлял Гоголь в письме известному поэту, другу Карамзина, бывшему министру юстиции Ивану Дмитриеву. – Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные <...> Признаюсь, мне очень грустно было смотреть на расстроенное имение моей матери...» (X, 239).

Что же сближало для Гоголя его родную Малороссию, бедную при всем своем изобилии, с богатеющим «щеголем Петербургом», свирепых степных «лыцарей» – защитников Православия – с корпящими на службе чиновниками и блестящими, но свескорыстными деловыми людьми? – Вероятно, и переезд молодого жителя южной окраины Российской империи в ее северную столицу, и отношения центра и провинции. Такие переезды были тогда делом обычным и насущным: стремившиеся на север потомки козаков «наводняли Петербург ябедниками» и торговцами, служили в «палатах и присутственных местах», да и выше – в министерствах и при дворе, составляя в столице первое по численности и могуществу землячество. И ни для кого это не было секретом. Так, в комической опере И.П. Котляревского «Москаль-чаровник» (1819) в ответ на ехидную реплику солдата, что «хохлы никуда не годятся, да голос у них хорош» (намек на происхождение «из певчих» последнего малороссийского гетмана К. Г. Разумовского), чумак Михайло с достоинством отвечал: «Ось заглянь в столицю, в одну і в другу, та заглянь в сенат, та кинься по міністрах, та тоді і говори – чи годяться наші куди, чи ні?» [Котляревский, 1980, с. 264]. Приехавший в столицу «нежинец» Е.П. Гребёнка назвал её «колонией образованных малороссиян. Все присутственные места, все академии, все университеты наполнены земляками, и при определении на службу малоросс обращает <на себя> особенное внимание» [Гребёнка, 1981, с. 566]. Украинцами были многие петербургские певчие, музыканты, актеры, художники, а среди них – приятели, земляки, однокашники и хорошие знакомые

Гоголя. С начала 1830-х годов стала очевидной и украинская культурная экспансия [об этом см.: Пиксанов, 1928, с. 26]. Ей обязан своим театральным дебютом Нестор Кукольник, она обеспечила небывалый успех Алексею Венецианову и его живописной школе... Тогда эти имена, так же, как имена других украинцев – «всесильного» историка и критика искусств Владимира Григоровича, любимца публики актера Михаила Щепкина, да и самого Пасичника, – тоже были на слуху в столицах и в большой моде!

В гоголевских «Вечерах» отношения *козацкого* и *петербургского* можно понимать и как связь *прошлого и настоящего, идеала* и его последующего исторического *искажения*, а также *причины и следствия, реального и сказочного*... «Пропавшая грамота» для царицы в Петербург проводит козака через загробное адское «чертово логово» в обетованный «рай» царской хаты, но и тут и там сияет «золото», обозначая, в народном понимании, «тот свет». Путешествие по Украине Екатерины Великой из столицы в Тавриду и обратно будет памятно не только Голове: ведь Крым для России помогли завоевать козаки. В повести «Ночь перед Рождеством» запорожцы напоминают об этом императрице, которая уже решила уничтожить и Сечу, и Гетманщину, и остатки прежних козацких вольностей. А защита козаками православной веры, битвы с поляками, козацко-крестьянские волнения откровенно перекликались с недавними кровавыми событиями Польского восстания 1830-1831 годов. Тогда Петербург наполнился и теми, кто бежал от ужасов войны, от нее пострадал, и теми, кто приехал просить за своих близких, участвовавших в восстании. Так уже здесь, в самой столице, в какой-то мере возобновилась скрытая вражда поляков с украинцами и русскими на административном, религиозном и бытовом уровнях¹, и

---

¹ В черновике «Записок сумасшедшего» (1834) Гоголь иронически замечал о «машине» дома Зверкова, которая впервые поднялась выше Зимнего дворца, символизируя новый, буржуазный Петербург: «Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько поляков! а нашей братьи, чиновников, как собак...» (III, 196, 555).

прежние исторические противоречия стали вновь актуальны в петербургском мире.

В то время Санкт-Петербург как град Святого Петра, государственный, религиозный, светский и культурный центр Российской империи, виделся «Третьим Римом», соединившим российское с греческим (византийским) и римским. Украину же, в пределах трех ее губерний: Киевской, Полтавской, Черниговской, – видели славянской Италией или Грецией, именуя соответственно *Авзонией* (как идеализированную Италию в древнеримской поэзии) или *Аркадией* – так называли в античных мифах счастливую страну, идиллический край хлеборобов и скотоводов Греции, где человек находился в первоначальном единстве с природой, не зная несчастий и даже самой смерти. Однако в историческом плане Малороссию воспринимали двояко. Поскольку она – даже территориально – прямая наследница Древней Руси, то **старше** своей великой сестры: это «колыбель Россов», ибо их предки «сарматы, скифы и славяне поселились там прежде и построили первые города»; там, согласно Нестору, «в 33 или 34 году по Р.Х. Св. апостол Андрей Первозванный проповедовал им Христианскую веру». Но после распада «материнского» государства эти земли оказались под властью Литвы, затем вместе с ней были фактически захвачены Речью Посполитой и лишь после долгих мытарств волею народа были возвращены в состав России. Все это время Украина фактически не имела собственной государственности и – сохранила некие исконные, «младенческие» черты Киевской Руси, славянского мировосприятия, единства с природой, которые были признаны и оценены даже Европой. Этим «полуденная Россия» напоминает Авзонию и Аркадию, а ее «райские уголки» – сам «Эдем» (общее место просветительских, а позднее и романтических сочинений о ней). И потому – для Российской империи – никакой своей «отдельной» истории Малороссия не имела и не могла иметь. Во «Введении» к официальной «Истории Малой России, от присоединения ее к Российскому государству до отмены гетманства...» [ИМП, 1822] Д.Н. Бантыш-Каменский объяснял, как религиозно-освободительная борьба вела к воссоединению с Россией. В середине 1820-х годов – возможно, как отклик на этот труд – получила распространение рукописная «История Русов, или Малой России» [ИР], приписывавшаяся Святителю Георгию Конисскому, архиепископу Могилевскому и Белорусскому,

которая именвала украинцев «русским народом» и повествовала о его бедствиях, мужественной борьбе, неисчислимых жертвах во времена польско-католической экспансии¹.

Внимание к истории Малороссии в то время привлекло и возмущившее Россию требование шляхты вернуть Польше принадлежавшие ей ранее земли на Украине, охотно подхваченное французскими газетами. Затем о прежних конфликтах украинцев и поляков заставило вспомнить Польское восстание 1830–1831 годов. Чтобы дать верную оценку происходящему, художник-историк (согласно романтической концепции, именно он представляет свой народ – как, например, «истинный сын своей страны» В. Скотт, создавший поэтическую историю Шотландии) должен был показать роль каждой стороны в конфликте. Украинскую сторону представляло Козачество, во главе с Богданом Хмельницким освободившее страну от польского владычества, а значит вопросы о том, кто такие *козаки*, откуда они взялись, как складывалось Козачество и каково его значение для Малороссии, становятся центральными для художественно-исторических сочинений такого рода.

Поэтому, возвратившись в Петербург осенью 1832 г., Гоголь сначала берется за «очерк» украинской истории, где как бы подводит итоги «Вечеров» (эти исторические наброски превратятся в статью «Взгляд на составление Малороссии» 1834 г.). Затем попытки объяснить историю Украины географией приводят к проекту «всеохватного» историко-географического пособия «Земля и Люди». Но вскоре Гоголь оставил эту идею и вновь обратился к малороссийской тематике, собирая материалы по украинской истории, работая над главами исторического романа (возможно – «Гетьман») и другими историческими набросками. Тогда же он обдумывает комедию о нравах современной России: столичных – во «Владимире 3-ей степени» и провинциальных – в «Женихах» (будущей «Женитьбе»). При этом появляются и наброски

---

¹ О генезисе и влиянии *ИР*, а также о проблеме ее авторства см. [Звенияцковский, 1994, с. 259-262; Звенияцковский, 2009, с. 291-295].

дневника молодого художника или музыканта, обитающего на чердаке (они затем лягут в основу повестей о Петербурге).

Осенью 1833 г. наступает время исполнить обязательство: дать что-то новое в альманах «Новоселье» А.Ф. Смирдину. И появляется первая «миргородская» и «современная» повесть о ссоре двух Иванов [Гоголь, 1834], которая была, вероятнее всего, крайне поспешно написана к этому сроку. Подзаголовок «Одна из неизданных былей пасичника Рудого Панька», подпись «Рудый – Панько» и дата «1831» должны были отчетливо соотнести ее с уже известными «Вечерами» как «современное романтическое» повествование – сродни повести о Шпоньке. Однако, по признанию читателей, новая повесть намного превосходила прежние «сказки» своим воздействием.

Тогда же Гоголь узнал, что на следующий год будет открыт Киевский университет Св. Владимира и, чтобы занять там кафедру Всеобщей истории, ему нужна репутация серьезного ученого, которую нужно подкрепить какими-то печатными трудами. Но лихорадочная работа над ними приносит неожиданный поворот: чем больше разысканий, изученных документов, учебных и ученых трудов, тем сильнее разгораются фантазия и тяга писателя к перу. Тогда, наряду с обобщающими штудиями по истории народов, Гоголь начинает воплощать в словесных образах жизнь своего народа, смешивая эпохи, искусства и науку, – известную ему как художнику-историку, и явно стремится раздвинуть рамки изображаемого «вширь», до истории славян и всего человечества, преодолевая известную национальную ограниченность.

На замысел и разработку нового литературного цикла явно влияли и преподавание Гоголем Всеобщей истории в Патриотическом институте (1831–1834), и занятия средневековой, русской и украинской историей, и чтение им украинских летописей, славянского и западноевропейского фольклора, русской и зарубежной классики, романтических произведений... Но главную роль, конечно, играла предшествующая работа над «Вечерами», отразившими судьбы козаков, которых Гоголь считал началом и основой народа.

Новый цикл стал преемником прежнего (что обозначено и структурным повтором: две части, четыре повести), развивая его основные темы. Так, героико-мистическая козацкая линия цикла продолжает повесть «Страшную месть» и отчасти «Пропавшую

грамоту», сниженно-бытовая, гротескная – «Сорочинскую ярмарку», «Заколдованное место», повесть о Шпоньке, любовная – «Майскую ночь» и «Ночь перед Рождеством» и, наконец, темы предательства, отступничества, христианские и «купальские» мотивы цикла идут от «Вечера накануне Ивана Купала». Этим новые повести как бы «примирили», объединили и продолжили разные начала творчества Гоголя, ясно означенные, но еще фрагментарные в «Вечерах» и втором сборнике – «Арабески». Недаром «Миргород» стал вторым томом в его Собрании сочинений 1842 г., при этом автор заметил, что читатели могут начинать знакомство с его творчеством сразу с этой книги, минуя «Вечера на хуторе близ Диканьки», то есть признал «Миргород» творением, достойным художника-ученого, сказавшего современникам правду о жизни.

Общим рукописным источником для «Миргорода», за исключением повести о двух Иванах, является Записная тетрадь Гоголя [Гоголь, РНБ]. Здесь находятся заметки по истории Малороссии (л. 2–3об), первый набросок повести «Нос» (л. 4об), художественные отрывки <«Мне нужно видеть полковника»> (в двух вариантах: на л. 6 и 6об) и <Рудокопов> (л. 7об), исторический фрагмент <Новоплатоническая Александрия> (л. 9) и, наконец, незаглавленные черновые автографы повестей «Старосветских помещиков», «Тараса Бульбы», «Вия» (вписаны на л. 12–40 в том же порядке, в каком затем появились в сборнике). По-видимому, Гоголь уже изначально хотел использовать эту тетрадь для работ по истории Малороссии, хотя несколько раз вводил туда фрагменты иной тематики, но потом оставшиеся страницы отдал украинским повестям, состав которых – в отличие от названий – к тому времени уже определился. Анализ их черновых автографов показывает, что, как правило, они записывались частями на основании предварительно сделанных набросков. Большинство изменений было внесено по мере записи или в ходе ее доработки (иногда – почти сразу). Судя по основным вариантам почерка, черновой автограф «Старосветских помещиков» был завершен не ранее февраля – марта, а «Вия» – не ранее декабря 1834 г. Работа над черновой редакцией «Тараса Бульбы» была самой длительной и заняла больше полугода (с февраля или марта по октябрь – ноябрь 1834 г.), что говорит не только об ее

объеме, но и том значении, какое придавалось повести. А идентичность почерка и чернил в разных ее главах – свидетельство одновременной работы над ними. В тех же главах «Тараса Бульбы» и в конце «Старосветских помещиков» оставлены пустые места, которые, вероятно, автор первоначально предназначал для фрагментов куда большего объема, но затем сократил текст этих повестей в соответствии с пропорциями всего сборника.

Рукопись полностью была готова в конце декабря 1834 г. и получила предварительное разрешение на выпуск цензора В.Н. Семенова. Этот литератор, выпускник Царскосельского лицея, благоговел перед Пушкиным и с 1830 г. обычно цензуровал издания пушкинского круга, альманах «Северные Цветы» и «Литературную Газету». Через Пушкина он познакомился с Гоголем, и тот иногда читал ему написанное, чтобы узнать мнение Семенова (II, 752). Однако уже в январе последнего сменил цензор А.В. Никитенко, с которым у Пушкина и Гоголя были непростые отношения, и это привело к серьезным переменам в будущих хрестоматийных повестях «Миргорода». Так как его вторую часть набирали с печатного текста и рукописи, между двумя повестями возник «пробел», который автор решил заполнить заметкой «Погрешность», относящейся к повести «Вий», и «Предисловием» к повести о двух Иванах, где говорилось: «Долгом почитаю предупредить, что происшествие, описанное в этой повести, относится к очень давнему времени. Притом оно совершенная выдумка. Теперь Миргород совсем не то. Строения другие; лужа среди города давно уже высохла, и все сановники: Судья, Подсудок и Городничий – люди почтенные и благонамеренные» (II, 221).

Этот текст был рассчитан на догадки осведомленного читателя о том, что могла изъять цензура в тексте, и содержал ряд заведомо известных ему фактов: повесть – «выдумка», время не «очень давнее», примерно 20 лет назад, герои обычные люди, а сам Миргород и его строения «другими» стать не могли, как «лужа среди города» [см.: Кошелев, 2008, с. 62-63]. Но подобное «забегание вперед» могло привести к искаженному восприятию повести неподготовленными читателями, отчасти снижая сатирическую остроту изображения «уже прошедшего», да и своим канцелярским строем не соответствовало основному тексту. Затем или «Предисловие» снял сам Гоголь, или, при просмотре отпечатанной второй части сборника, это сделал новый

цензор¹, ведь оно относилось к его же цензурным купюрам при первой публикации повести в альманахе А.Ф. Смирдина «Новоселье» [Гоголь, 1834]. А изъятие привело к тому, что между повестями вновь оказалась пустая страница. Чтобы избежать переверстки всей книжки, Гоголю дополнил первую повесть *новым финалом*: разговором приятелей Хомы Брута о его гибели – и сделал ряд необходимых изменений в предшествующем тексте, видимо, еще и потому, что «Вий» был написан последним и обработан меньше других.

В конце концов сборник «Миргород» в 2 частях, каждая – с отдельным оглавлением [Гоголь, 1835], удалось издать за два месяца: он вышел в самом конце февраля – начале марта 1835 г. Это следует из переписки Гоголя того времени. 20 февраля он известил М.П. Погодина, что книга «уже отпечатана» и завтра «должна поступить в продажу», а 10 марта писал С.П. Шевыреву в Москву, что отправляет сборник ему, а через него – И.В. Киреевскому и Н.И. Надеждину, – и просил отозваться о своих новых книгах (X, 353-354). Видимо, теперь все они представлялись автору неким целым: ведь выход «Арабесок. Разных сочинений Н. Гоголя» (СПб., 1835), которые он называл собранием «всякой всячины», отразившим разные стороны его петербургской жизни художника, историка, педагога и мыслителя, должно было сопровождать переиздание «Вечеров» (обе книги были сданы в цензуру и разрешены к печати одновременно), а изданный после них «Миргород» имел подзаголовок «Повести, служащие продолжением *Вечеров на хуторе близ Диканьки*». Кроме того, на обороте издательской обложки «Арабесок» сообщалось: «Его же Гоголя. В непродолжительном времени выйдет продолжение *Вечеров на хуторе близ Диканьки*», – а на обороте обложки «Миргорода» было небольшое объявление: «Продается во всех книжных лавках. Цена за обе части 12 руб. – Там же можно

---

¹ Возможно, это было вынужденное совместное решение, так как Гоголь в письме А.В. Никитенко от «Генваря 24» 1835 г. осторожно намекал: «...мне бы нужно было о многом переговорить с Вами таким, что на бумаге как-то не может говориться» (X, 350).

получать на днях вышедшую книгу: “Арабески. Повести и разные сочинения Н. Гоголя”. Цена за обе части 12 руб. – В непродолжительном времени выйдет второе издание “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, его же, Гоголя, in 8. Цена за оба тома 12 руб. Желающие могут адресоваться заблаговременно к книгопродавцам и получать билет». Таким образом читатели получали возможность приобрести «полное собрание сочинений» молодого, но уже известного автора.

В отличие от пестрых, неординарных, многожанровых «Арабесок», четыре малороссийские повести «Миргорода» выглядели более традиционно и потому в основном были восприняты публикой как «сказки», продолжавшие «Вечера». Позднее Гоголь писал В.А. Жуковскому, что «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба» – «это те две счастливые повести, которые нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам...» (XI, 98). «Старосветских помещиков» читатели, видимо, поняли как патриархальную идиллию, противопоставленную «меркантильному веку», а «Тараса Бульбу» – как официально-патриотическую историческую повесть на актуальную тогда тему русско-украинско-польских отношений. Однако именно критические статьи, заметки, отзывы о «Миргороде» фактически положили начало традиции рассматривать творчество его автора (а не Рудого Панька) на фоне русской и европейской литературы. И эта борьба «за» и «против» Гоголя, критические мнения о книге сначала выражали не столько приятие / неприятие его таланта разными литературными «партиями», сколько субъективное мнение каждого из критиков.

Осмысление истории Украины в цикле, вобравшем как биографические, семейные, так и фольклорные, литературные, историографические материалы, было принципиально для автора-украинца. Так, в заголовке и подзаголовке сразу даны названия города и села на Полтавщине, а при этом обозначено и авторство Гоголя, и – скрыто – местоположение автора «близ» этих пунктов, в имении Васильевка (ныне с. Гоголево Шишацкого района). Дорога оттуда на Диканьку и Полтаву шла «вглубь» Украины, а дорога на Миргород обозначала направление на северо-запад, в Россию. Ранее сам уездный город упоминался в «Вечерах...» (в предисловии первой и второй книжки, в повестях «Сорочинская ярмарка» и «Ночь перед Рождеством»). Он был основан в XI в., когда Великий князь Владимир строил на восточных границах с Дикой Степью цепь укреплений для

защиты Киевской Руси. Их также использовали для торговых сделок, а иногда для встреч враждующих сторон, и потому одну из крепостей называли Миргородком. Первое упоминание Миргорода в летописи относится к 1530 г., когда он получил Магдебургское право и герб: щит, на его лазоревом поле вверху – золотой крест, внизу – серебряная восьмиконечная звезда Богородицы, покровительницы Козачества. Несмотря на миролюбивое название, здесь был крупный центр изготовления селитры и пороха. С 1575 г. польский король Стефан Баторий сделал город полковым, и один из самых больших козацких реестровых полков стал зваться Миргородским. Он принимал участие в восстаниях Павлюка и Острицы (1637-1638), а потому указом польского сейма был расформирован. Через 10 лет Миргородский полк возродился в начале народного восстания и прославился в сражениях. В Миргороде же начинал Богдан Хмельницкий переговоры о воссоединении Украины и России.

Соотношение названия, подзаголовка и двух эпитафий в начале сборника «Миргород» подразумевало их единство и перекличку. Подзаголовок обозначал жанр украинских повестей, утверждал их творческую связь с известными читателю повестями «Вечеров...» Пасичника Рудого Панька и обосновывал введение эпитафий. Вместе с тем, Миргород как искусственное порождение цивилизации оказывался противопоставлен естественным вечерам и хутору как уединенному поселению на природе, тогда характерному для Малороссии (этот контраст снимался оксимороном: Мир божествен и всеобъемлющ – город рукотворен и локален). Диканькой же, как называлось образцовое поместье Кочубеев, считали некое «дикое место», возможное обиталище «диконьких мужичков» – духов подобного места, вроде «полевого или лесного... оберегателя кладов» [Словарь Даля, с. 436].

В названии цикла также скрыта до сих пор не отмеченная исследователями перефразировка известного выражения «граду и миру» (лат. *Urbi et orbi*), которое восходит к началу XIV в. Это слова из формулы, произносимой при возведении нового Папы в звание Наместника Бога на земле, когда, после его избрания в конклаве кардиналов Римско-католической церкви, один из них должен облачить избранника в папскую мантию и сказать: «Облачаю тебя римским

папским достоинством, да предстоишь ты граду и миру» (то есть, теперь ты будешь Папою, представляя Бога и в городе Рима, и во всем мире). Последние слова получили иносказательный смысл: оповещение о чем-либо *всех и вся*. Понятно, что Гоголь придавал им особое значение, один из возможных планов которого – противопоставление мира-общества обреченному католическому «граду».

Таким образом заглавие «Миргород» оказывалось противопоставлено «Диканьке» и в символическом плане, понятном образованному человеку того времени. Подразумевался главный труд Августина Аврелия «О Граде Божьем» (412-426), где автор сделал попытку осмыслить всемирно-исторический процесс, обусловив развитие человечества планами и намерениями Бога (Промыслом Божьим), и выдвинул концепцию морального (духовного) прогресса и линейного регресса в истории. Моральный прогресс начинается с грехопадения Адама и рассматривается как поступательное движение Человека к обретаемому через Благодать нравственному совершенству. В историческом процессе Августин, основываясь на Библейской истории, выделяет шесть эпох: от грехопадения Адама до Страшного Суда, – причем последняя эпоха началась Рождеством Христовым и завершится концом человеческой истории вообще. Ее развитие обусловлено существованием и борьбой двух миров (городов): «града земного» – светского государства, дьявольского царства зла и греха (его воплощением был Рим) и «Града Небесного» – христианской церкви как государства Божьего. Два мира / города символизируют любовь как эгоизм («любовь к себе, доходящая до самообожения и пренебрежения к Богу») и морализм («любовь к ближнему и Самому Богу вплоть до забвения себя»). В «конце времен» граждане «Града Небесного» получат Блаженство, а жители «града обреченного» будут преданы вечным мучениям. Итак, в Истории духовная власть, основанная на Вере и любви к ближнему, превосходит светскую, укрепляя и расширяя «Град Божий», а земные государства обречены на постоянную деградацию, войны и конечное разрушение.

Каким же «градом» предстает сам Миргород? Об этом два разных эпитафия. В первом говорится о «нарочито невеликом» городе, который «имеет 1 канатную фабрику, 1 кирпичный завод, 4 водяных и 45 ветреных мельниц». По разысканию И.А. Есаулова, источником была книга профессора Е.Ф. Зябловского «Землеписание Российской

империи...», где указано: «Миргород при реке Хороле; расстоянием от Москвы 708, а от Санктпетербурга 908 верст. Имеет 4 церкви, более 1 000 домов и до 6 500 жителей. Козаки составляют почти половинную часть жителей; немало есть евреев. Ярмарки бывают» четыре раза в год, «на оных торг производится более мелочными товарами. В нем есть: 1 канатная фабрика, 1 кирпичный завод, 4 водяных и 45 ветренных мельниц» [Зябловский, 1810, с. 53]. Сократив до минимума данную характеристику, Гоголь ввёл слова «нарочито невеликий» («нарочито» означало 'весьма' или 'очень'), явно пародируя тяжелый, несколько архаичный стиль географа и подчеркивая «отсутствие величия» у небольшого городка [Есаулов, 1991, с. 78, 100]. Это соответствовало действительности, ибо и раньше, и много позднее он напоминал деревню. Источник же второго эпитафия: «Хотя в Миргороде пекутся бублики из черного теста, но довольно вкусны. Из записок одного путешественника», – нельзя установить в принципе, ибо это пародия на форму и содержание сентиментальных «записок путешественника», отметившего из городских достопримечательностей лишь вкусные бублики (скорее всего, потому что проголодался или больше вспомнить было не о чем). Таким образом, эпитафии вроде бы представляют различные взгляды на город (объективный, беспристрастный, «внешний», «официально-географический» и личный, «внутренний», «вкусовой»), а по существу оба характеризуют только земную сторону, «стены града», где нет духовности и как бы самих жителей: даже бублики здесь «пекутся» словно сами собой [Там же, с. 79]. Настоящим ответом на возникающий вопрос о сути общества, живущего в подобном Мир-городе, служит совокупность четырех повестей с обратной перспективой: от сентиментальной «природной» идиллии к «городской» (искусственной) сатире. В таком контексте *земным* Мир-городом предстает не только сама Миргородчина, но и «мир»-общество украинской столицы и провинции, где в основном происходит действие повестей (кроме повести о соре), и упомянутый в первой же повести Санкт-Петербург, куда устремляются из провинции меркантильные потомки козаков.

Название цикла также в какой-то мере указывает и на два его истока – литературный и фольклорный. Четыре повести Гоголя

(особенно о ссоре двух Иванов) во многом отчетливо перекликаются с произведениями Василия Трофимовича Нарезного, уроженца Миргородчины (жил в Санкт-Петербурге с 1803 г., умер там в 1825 г.), чье родовое имение Устивцы было неподалеку от Васильевки. «Славенские вечера» Нарезного (1809) привлекли внимание просвещенных земляков (к ним принадлежал и отец Гоголя Василий Афанасьевич), увидевших в его книгах отражение малороссийской жизни и явно гордившихся «своим» автором.

Этапы развития самого Гоголя как писателя обнаруживают определенное сходство в жанрово-тематическом плане с творчеством Нарезного. Оба автора начинали со стихов, поэмы, стихотворной драмы, а затем уже в прозе обратились к отечественной истории (исследователи отмечали сходство названий «Славенских вечеров» Нарезного и гоголевских «Вечеров...», даже некую их «поэтическую» близость). Определенную роль в ориентации Гоголя на эти произведения, видимо, сыграл О.М. Сомов, литератор-журналист, знавший Нарезного и посвоему использовавший его роман «Гаркуша, малороссийский разбойник» после смерти автора.

Гоголь не только «перенимает» у Нарезного многие черты украинского быта, сюжетные линии, ситуации, типы народных героев, но и дает им новую жизнь, переосмысливает в ином окружении. Так, в петербургских повестях «Арабесок» есть реминисценции романа Нарезного «Российский Жилблаз» 1814 г., повести «Бурсак» и «Новых повестей» 1824 г.¹ Что касается «Миргорода», то здесь переклички с творчеством Нарезного очевидны, широки и принципиальны. Кроме явных сюжетных параллелей его повести «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (М., 1825) и гоголевской сатирической повести о ссоре, они также близки и мотивами беззаконной любовной страсти. При этом добрая бездетная пара Улитта и Кирик, предоставившая молодым героям место для свиданий, напоминает старосветских помещиков, возвращение двух семинаристов в родные места – начало повести «Гарас Бульба» и ночное путешествие бурсаков в повести «Вий», а чудесное

---

¹ Об этом см.: Денисов, 2009, с. 352, 438, 480.

«воскрешение» в церкви пьяного пана Занозы словно пародирует соответствующие эпизоды «Вия». В «малороссийской повести» Нарезного «Бурсак» 1824 г. главный герой – круглый сирота, ничего не знавший о родителях (как Хома Брут), – случайно попал в поместье своего отца и влюбился там в свою сестру; один из бурсаков любил спать в бурьяне (как богослов Халява), а когда его выгнали из бурсы, то прибился к дородной шинкарке, хозяйничал в шинке, она же его кормила и одевала... В повести изображены бурса и – весьма мрачно, без сочувствия! – дикая Запорожская Сечь, ее обитатели и обычаи. Немного иначе, ближе к традициям воинского эпоса, Нарезный обрисовал Сечь в повести «Запорожец» 1824 г., которую обычно соотносят с «Тарасом Бульбой». Прямое же обличение язв общества, антиклерикализм, а также «учительность» сюжета и его излишняя «запутанность» у Нарезного оказались чужды Гоголю, продолжившему барочную линию нраво- и бытописания, изображая «старинный малороссийский быт... особенно быт частный, домашний...» [Шенрок, 1893, с. 71-72, 156-157].

Своего рода Мир-городом был и вертеп (театр кукол), о котором упомянуто в первой опубликованной «миргородской» повести Гоголя. Популярный тогда на Украине народный театр представлял собой короб-«скрыньку» в виде двухъярусного домика. «Действо» состояло из канонической религиозной и бытовой фарсовой части: на «небе» – верхнем ярусе – шло представление по сюжету Священного Писания, а на «земле» – нижнем ярусе – разыгрывались сценки из народного быта, интермедии и прочее. Вертепщик (у Гоголя – «пройдоха») незаметно приводил в движение кукол и говорил за них, меняя голос. Обычно с вертепом ходили на святках, изображая Рождество Христово и связанные с ним события; прологом представления служило пение колядок и кантов, иногда в сопровождении оркестра из скрипки и бубна¹.

Традицию западноевропейских религиозно-театральных мистерий в честь Рождества (нем. Christschau) на Украине заимствовали

---

¹ Об органической связи «Вечеров» с народным театром см.: Гоголь, 2001, с. 628-629, 690-691.

из Польши, где в XVI в. театр-«шопка» (от нем. Schoppen – ‘хлев/сарай’) был занятием семинаристов, ходивших с ним на каникулах по городам и селам. Популярность «шопки» обусловило соединение религиозного и бытового содержания с народным, иногда очень грубым, юмором. Пастухи, пришедшие поклониться Христу, царь Ирод, воины и персонажи «из народа» обязательно походили на местных жителей. Общим для славянского вертепа стал и дьячок (пономарь) – своего рода «ведущий», который приглашал возвестить о рождении Спасителя (вероятно, поэтому Гоголь и сделал рассказчиком в первых украинских повестях именно дьячка). А народные персонажи: дед и баба, польский пан, цыганы и евреи, запорожец, шинкарка, черт, мужик и его жена, «кондяк» (учитель-семинарист), школяр... – в основном соответствуют типажам ранней прозы Гоголя. В «Миргороде» есть прямые переключки с вертепом – например, диалог Ивана Ивановича с нищенкой, – но большинство соответствий не опознается современным читателем, поскольку он не знаком с народным театром, а потому и не видит в «бурой свинье», похитившей судебную бумагу, «шкодливую свинью» из вертепа, которую давно перестали кормить (II, 758), и не соотносит комический народный дуэт «деда и бабы» с идиллией «двух старичков прошедшего века».

История в «Миргороде» – это Божественный Храм, который совместными усилиями, по Божьему Промыслу, возводит человечество и который достигает своих высот на Рождество Христово, после чего в Средневековье люди пытаются страшными усилиями сохранить достигнутое, удержать равновесие Божественного и дьявольского, духовного и материального, религиозного и мирского, однако Новое время все больше отделяет «Град Небесный» от «земного». Не исключение и украинская история: она обусловлена не только Древней Русью, влиянием варягов (викингов) и татар, России, Польши и Литвы, но и прежними культурными эпохами, что отражены в ее развитии (Древняя Греция – отчасти в «Старосветских помещиках» и «Тарасе Бульбе», Древняя Греция и Древний Рим – в бурсацких сценах «Вия», а черты Древнего Рима периода упадка, несправедливо и бесславно воюющего, – в повести о ссоре двух друзей). А далее, по хронологии первой и последней повести цикла, «большая», общая история распадается на хаотическое множество отдельных «личных» жизненных линий – всё больше расходящихся, не сводимых воедино ни женитьбой,

ни Отечественной войной 1812 г., ибо человека Нового времени больше не интересует ничто общечеловеческое!

Такое понимание истории в «Миргороде» выражается в самом движении художественных форм. Здесь *идиллия* как равенство духовного и физического начала, человеческого и природного (растительного, животного), как форма их сосуществования в некоем согласии-родстве сменяется *героическим эпосом* противостояния, когда человек и целые народы сталкиваются, бьются и гибнут за Веру, за идею и те духовные ценности, что определяют национальный идеал. Но изначально противоречие возникает между телом и духом человека, который религиозным энтузиазмом одушевляет природу и, даже погибая физически, остается жить в духовно-религиозном единстве, в Слове, как Тарас Бульба. Таким образом, в первой части цикла преобладает духовное начало. Однако во второй части его нейтрализует *мистерия* (миракль) «Вия», где герои уже сомневаются или прямо отвергают Веру, а недостаточный энтузиазм, вялость, несправедность Хомы восполняется активностью нечисти в самой церкви, и только гибель как взаимоуничтожение противостоящих сторон уравнивает их, после чего остаются лишь слухи и домыслы. Наконец, *сатира* о том, как поссорились два приятеля, использует подобные слухи и домыслы как единственное знание о жизни, которое доступно героям и рассказчику в мире, подобном темной «пещере» Платона, поскольку здесь люди пренебрегают истинами евангельского четверокнижия – земной истории Сына Божьего.

Вместе с тем четыре повести «Миргорода» в какой-то мере отражают и жанровый поиск в раннем гоголевском творчестве: от идиллии «Ганца Кюхельгартена» к героическому эпосу исторического романа и повестей «Вечеров» о судьбах Козачества и почти одновременно к сатирическому изображению пошлой современности в главах «Страшного кабана» и повести о Шпоньке. Но лишь в «Арабесках» и «Миргороде» изображенному присущи явно апокалиптические тенденции¹, которые опираются на пророчества

---

¹ См. об этом: Денисов, 2009, с. 357-358.

Священного Писания и указанные в них приметы «последних времен». И вероятно, не так уж наивно в данном контексте звучит вопрос рассказчика повести о ссоре двух Иванов: «Что ж теперь прочно на этом свете?» – когда типичные герои современности возвеличивают себя, даже находясь в церкви, вносят туда распри вместо любви и тем самым губят свой Храм гордыней и самообожнением, приближая «конец времен».

***

Сборник «Миргород» и особенно повесть о ссоре вызвали негодование некоторых земляков Гоголя. В связи с выходом в свет первого тома «Мертвых душ» А.С. Данилевский, однокашник писателя, с кем вместе они приехали в Петербург, писал ему в ноябре 1842 г. из Миргорода: «Патриоты нашего уезда, питая к тебе непримиримую вражду, теперь благодарны уже за то, что ты пощадил Миргород. Я слышал между прочими мнение одного, который может служить оракулом этого класса господ, осыпавшего такими похвалами твои “Мертвые души”, что я сначала усомнился было в его искренности; но жестокая хула и негодование на твой “Миргород” помирили меня с нею. “Как! – говорил он, – миргородский уезд произвел до тридцати генералов, адмиралов, министров, путешественников вокруг света (черт знает где он их взял!), проповедников (не шутка!), водевилиста, который начал писать водевили, когда их не писали и в Париже”. Это относилось к Нарезному, как после объяснил он, и проч. и проч.; всех припомнить не могу!» (XII, 71). По воспоминаниям современников, «после того уже как появился рассказ об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче» – М.И. Гоголь поехала «по делу в поветовый суд» Миргорода, там «чиновники были так злы на Гоголя, что Марье Ивановне не предложили сесть, и она простояла часа два, пока не получила нужную справку» [цит. по изд.: Кошелев, 2008, с. 58]. Сам Гоголь, обращаясь в ноябре 1850 г. к А.М. Трахимовскому с рекомендацией о выдвижении в депутаты по Миргородскому уезду Д.А. Трошинского, писал: «Придает еще шпоры моей просьбе и неприятный отзыв о Миргородском уезде, который случилось мне услышать дорогою от дворянства других уездов, будто бы они (миргородские. – В.Д.) глуше и невежественней всех прочих в Полтавской губернии. Что уездный наш город Миргород плох, мы это знаем сами и над ним смеемся. Но пустыньность уездного города и не процветание его скорее показывает то, что дворяне сидят по местам и

заняты делом, а не баклушничают по городам. Дворяне других уездов уже и позабыли, что лучшие губернские предводители, и притом более других пребывавшие в этом звании, были все из Миргородского уезда» (XIV, 212).

(Продолжение следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ¹

<Гоголь, РНБ> – Записная тетрадь Гоголя, из числа принадлежавших И. С. Аксакову // Отдел рукописей РНБ. Фонд 199. Ед. хр. 1. Лл. 2–40 (л. 1 утрачен).

<Гоголь, 1834> – Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Н. В. Гоголь // Новоселье. – Санкт-Петербург: В тип. А. Плюшара, 1834. Ч. 2. – С. 475-569.

<Гоголь, 1835> – Миргород. Повести, служащие продолжением *Вечеров на хуторе близ Диканьки*. Н. Гоголя: Ч. 1-2 / Н. В. Гоголь. – Санкт-Петербург: В тип. Департамента внешней торговли, 1835. – 224с. + 215с.

<Гоголь, 1937-1952> – Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч.: Т. I-XIV / Н. В. Гоголь. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

<Гоголь, 2001> – Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. / Н. В. Гоголь. – Москва: Наследие, 2001. Т. 1. – 920 с.

<Гребёнка, 1981> – Гребёнка Е. П. Твори: У 3 т. / Е. П. Гребёнка. – Київ: Наукова думка, 1981. Т. 3. Листи. – 704 с.

Денисов, В. Д. Гоголевские «Арабески» // Гоголь Н. В. Арабески / Изд. подготовил В. Д. Денисов. – Санкт-Петербург: Наука, 2009. – С. 271-360. (Серия «Литературные памятники»).

Есаулов, И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя) / И. А. Есаулов. – Москва: Изд-во РГГУ, 1997. – 100 с.

<Звизняцковский, 1994> – Звизняцковский, В. Я. Николай Гоголь. Тайны национальной души / В. Я. Звизняцковский. – Киев: Ликей, 1994. – 544 с.

<Звизняцковский, 2009> – Звизняцковский, В. Я. Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII – первой трети XIX вв. и документированной истории Украины. «Тарас Бульба» и

---

¹ Список литературы публикуется в авторской редакции. *Прим. редактора.*

«История русов» / В. Я. Звизняцкий // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. – Вып. 2. – Москва: Изд-во ИМЛИ РАН, 2009. – С. 289-307.

Зябловский, Е. Ф. Землеписание Российской империи для всех состояний: Ч. I-VI / Е. Ф. Зябловский. – Санкт-Петербург: Тип. Ф. Дрехслера, 1810. Ч. VI. – 753 с.

<ИМП, 1822> – Бантыш-Каменский, Д. Н. История Малой России, от присоединения ее к Российскому государству до отмены гетманства, с общим введением, приложением материалов и портретами: В 4 т. / Д. Н. Бантыш-Каменский. – Москва: Тип. Селивановского, 1822.

<ИР> – Конисский, Г. История Русов, или Малой России / Г. Конисский // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – Москва, 1846. – № 1-4. – Отд. 2.

<Котляревский, 1980> – Котляревский, И. П. Твори / И. П. Котляревский. – Київ: Дніпро, 1980. – 311 с.

Кошелев, В. А. О «Предисловии» к гоголевской повести о двух Иванах / В. А. Кошелев // Гоголеведческие штудии. – Вып. 17. – Нежин: Изд-во НДУ им. Гоголя, 2008. – С. 55-66.

Пиксанов, Н. К. Областные культурные гнезда / Н. К. Пиксанов. – Москва; Ленинград: ГИЗ, 1928. – 148 с.

<Словарь Даля> – Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. (Репринт 2-го изд. 1878-1882) / В. И. Даль. – Москва: Русский язык 1978. Т. I. – 699 с.

Шенрок, В. И. Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. / В. И. Шенрок. – Москва, 1893. Т. 2. – XII. – 406 с.